

УДК 82.0

**ОТЗВУКИ ПОЭЗИИ В.А. ЖУКОВСКОГО
В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»¹**

© **Васильев Николай Леонидович** (2020), ORCID: 0000-0003-2062-8156, SPIN-код: 6568-3884, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, член Союза писателей России, nikolai_vasiliev@mail.ru.

В статье рассматриваются разнообразие отзвуки (цитаты, лексико-фразеологические заимствования, реминисценции, параллели, аллюзии, эпиграф и др.) творчества В.А. Жуковского в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Обобщаются исследования по этому вопросу (В.В. Виноградов, В.В. Набоков, Ю.М. Лотман, И. Эйгес, И.М. Семенко, А. Россина, А.С. Немзер, О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич, Н.Л. Васильев и др.). Приводятся новые факты рецепции Пушкиным – почти во всех структурных частях романа – произведений одного из его ближайших литературных предшественников, среди которых несколько оригинальных и переводных сочинений Жуковского: «К Блудову», «К Воейкову», «Императору Александру», «Ахилл», «Сельское кладбище», «Певец во стане русских воинов», «Людмила», «Светлана», «Двенадцать спящих дев», «Лалла Рук», «Явление поэзии в виде Лалла Рук», «Орлеанская дева» и др. При этом в расчет принимаются не только печатные издания «Евгения Онегина», но и черновые варианты его глав. Показано также, что образы поэзии В.А. Жуковского зачастую получают в тексте пушкинского романа в стихах пародийное преломление. Кроме того, демонстрируется, что отголоски поэзии В.А. Жуковского в художественном пространстве «Евгения Онегина» могут группироваться как вокруг определенных мотивов сюжетно-фабульного характера, так и вокруг некоторых героев произведения. В этом плане Ленского, например, можно трактовать в качестве своеобразного двойника самого основоположника русского романтизма, а Татьяну – как очередное литературное перевоплощение Светланы В.А. Жуковского. Необходимо подчеркнуть, что, в отличие от предшествующих работ, затрагивавших проблему влияния В.А. Жуковского на творчество А.С. Пушкина, в данной статье впервые систематизированы следы такого влияния в одном, но программном произведении.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-012-0005 «Словарь поэтического языка В.А. Жуковского».

Ключевые слова: А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, «Евгений Онегин», реминисценции.

В.А. Жуковский (1783–1852), по распространенному мнению, один из непосредственных предшественников А.С. Пушкина в русской литературе, что подчеркивал еще В.Г. Белинский в цикле статей «Сочинения Александра Пушкина» («Статья третья»): «Державин, Жуковский и Батюшков имели особенно сильное влияние на Пушкина: они были его учителями в поэзии, как это видно из его лицейских стихотворений...» [Белинский 1981, 183–185]. Авторы «Путеводителя по Пушкину» спустя столетие констатировали: «Пушкин воспитывался как поэт в литературной школе Карамзина, Батюшкова и Жуковского. Он не остался чужд и прямого влияния творчества Жуковского как в некоторых лирических стихотворениях, главным образом раннего периода, так и в "Руслане и Людмиле"... До конца дней Пушкин очень высоко ценил творчество Жуковского, считая его одним из величайших русских поэтов» [Путеводитель 2009, 179–180].

Закономерно поэтому наличие обширной статьи о Жуковском в «Онегинской энциклопедии» [Лебедева, Янушкевич 1999]. Те или иные диалогические реакции Пушкина на произведения Жуковского отмечались также в монографических комментариях к пушкинскому роману² и в других работах ([Эйгес 1941]; [Виноградов 1941, 110–111]; [Россина 1986, 44–45]; [Немзер 2000]; [Васильев 2005]; [Васильев 2013, 152–157]. Особенно продуктивным следует признать подход А.С. Немзера (см. также: [Немзер 2013]) к изучению того, как проявлялось в «Евгении Онегине» внимание Пушкина к личности и творчеству Жуковского.

В данной статье ставится задача обобщить и дополнить сведения об отзвуках поэзии Жуковского в романе Пушкина «Евгений Онегин», что, в частности, актуально в плане выявления системных реминисцентных влияний на поэтику романа со стороны ближайшего литературного пушкинского окружения (см. также: [Васильев 2015], [Васильев 2016], [Васильев 2017]).

² В комментарии Н.Л. Бродского [Бродский 1964], однако, В.А. Жуковский, судя по указателю имен, не упоминается.

Конкретизируем «следы» знакомства Пушкина с творчеством старшего друга, проступающие в романе.

Уже в начале произведения (посвящение, первая глава) встречаются скрытые переключки Пушкина с Жуковским, отчасти раскрывающие подтекст судьбы автора (вынужденное пребывание вне дома) в момент его первого лирического контакта с читателем, ср.: «**Но так и быть**³!.. здесь твой поэт / С смиренной музою, с друзьями / В смиренном уголке живет / И у моря погоды ждет» (Жуковский. К Воейкову, 1814), «Будешь с берега уныло / Ты смотреть – в пустой дали / Не белеет ли **ветрило**, / Не плывут ли **корабли**?» (Жуковский. Ахилл, 1814) – «Придет ли час моей свободы? Пора, пора! – взываю к ней; / Брожу над морем, жду погоды, / Маню **ветрила кораблей**» («Евгений Онегин», 1, L). Ср. также: «...**Но так и быть** – рукой пристрастной / Прими собранье пестрых глав...» («Евгений Онегин», посвящение) – из чего можно заключить, что Пушкин имплицитно адресует свое произведение именно Жуковскому как одному из его взыскательных учителей в поэтическом ремесле.

Знаки внимания Пушкина к сочинениям Жуковского присутствуют и в третьей главе романа (строфа V) – при описании Татьяны Лариной, образ которой поэт рисует в романтических тонах и в дальнейшем не раз сопровождает параллелями с героиней баллады предшественника:

«...»

Скажи: которая Татьяна?»

– Да та, которая **грустна**

И молчалива, как **Светлана**,

Вошла и села у окна.

Ср. в балладе Жуковского «Светлана»: «Тускло светится луна / В сумерках тумана, / **Молчалива и грустна** / Милая **Светлана**».

Здесь же Пушкин шутливо, если не пародийно, экстраполирует лунную «семантику», ассоциирующуюся у предшественника со Светланой, на образ Ольги Лариной: «"Неужто ты влюблен в меньшую?" – "А что?" – "Я выбрал бы другую, / Когда б я был, как ты, поэт. / В чертах у Ольги жизни нет, / Точь-в-точь в Вандикой

³ Здесь и далее все выделения полужирным шрифтом в цитатах сделаны Н.Л. Васильевым. – *Ред.*

Мадонне, / Кругла, красна лицом она, / Как эта глупая луна / На этом глупом небосклоне"...» – отчасти «приземляя» романтическую поэтику Жуковского путем переноса ее в антитезную художественную плоскость.

В четвертой главе романа в стихах Б.В. Томашевский, по словам В.В. Набокова [Набоков 1999, 481], в свое время отметил переключку пушкинского текста с посланием Жуковского «Императору Александру» (1814), ср.: «Когда и Нищета под кровлею забвенья / **Последний бедный лепт** за лик твой отдает...» (Жуковский) – «...за него (шампанское. – Н. В.) / **Последний бедный лепт**, бывало, / Давал я, Помните ль, друзья?» («Евгений Онегин», 4, XLV). Добавим, что фактическое цитирование Пушкиным предшественника носит здесь иронический характер вследствие перемещения высокого библейского образа (в одическом контексте обращения к царствующему императору) в сферу полушутливого описания собственного юношеского безденежья и кутежей в те же 1810-е гг., с налетом, сверх того, некоторого политического либерализма.

Пятой главе «Евгения Онегина» предшествует эпитафия из баллады Жуковского «Светлана» (1813), развивающий образную корреляцию героинь обоих поэтов: «О, не знай сих страшных снов / Ты, моя Светлана! *Жуковский*». Это не раз давало повод исследователям говорить о типологической связи указанных произведений, прежде всего, по линии использования в них фольклорных образов и наличия фабульной преемственности ([Набоков 1999, 327–328, 499–500]; [Лотман 1983, 258, 265–266]).

В той же главе содержится и прямое упоминание о «Светлане» Жуковского: «Но **стало страшно** вдруг Татьяне... / И я – при мысли о **Светлане** / Мне **стало страшно** – так и быть... / С Татьяной нам не ворожить» (5, X). А также есть множество лексико-фразеологических переключек в описаниях переживаний героинь поэтов и сопутствующих обеим фантазмагорических обстоятельств, напр.: «Раз в крещенский **вечерок** / **Девушки гадали** <...> / **Ярый воск** топили; / В **чашу** с чистою **водой** / Клали **перстень** золотой, / Серьги изумрудны; / Расстилали белый плат / И над чашей пели в лад / **Песенки подблюдны**. / <...> / "Что подруженька, с тобой? / Вымолви словечко; / Слушай песни **круговой**; / Вынь себе **колечко**. / Пой, красавица: "Кузнец, / Скуй мне злат и нов венец, / Скуй кольцо златое..." / <...> / Вот в светлице стол накрыт / Белой пеленою; / И на том столе стоит / **Зеркало** с свечою; / Два прибора на столе. /

"Загадай, Светлана; /<...> / Вот красавица одна; / К зеркалу садится; / С тайной робостью она / В зеркало глядится; / <...> / Страшно ей назад взглянуть, / Страх туманит очи... / <...> / **Вдруг метелица кругом; / Снег** валит клоками; / <...> / Виден мирный уголок, / Хижинка под снегом. / <...> / Глядь, Светлана... о творец! / Милый друг ее – мертвец! / <...> / ...Светланин дух / Смутен **сновиденьем...**» (Жуковский) – «По старине / торжествовали / В их доме эти вечера: / Служанки со всего двора / Про барышень своих гадали...»; «Татьяна любопытным взором / На **воск** потопленный глядит: / <...> / Из блюда, полного водою, / Выходят кольца чередою; / И вынулось **колечко** ей / Под песенку старинных дней: / <...>»; «Татьяна, по совету няни / Сбираясь ночью ворожить, / Тихонько приказала в бане / На два прибора стол накрыть / Но стало страшно вдруг Татьяне... / И я – при мысли о **Светлане**»; «...А под подушкою пуховой / Девичье **зеркало** лежит. / Утихло всё. Татьяна спит»; «Она, взглянуть назад не смея, / Поспешный ускоряет шаг»; «Дороги нет; кусты, стремнины / **Мятелью** все занесены, / Глубоко в **снег** погружены»; / «**Вдруг** меж дерев шалаш убогой; / Кругом всё глушь; отсюда он / Пустынным снегом занесен...»; «...Но что подумала Татьяна, / Когда узнала меж гостей / Того, кто мил и страшен ей, / Героя нашего романа!»; «Ее тревожит / **сновиденье**» («Евгений Онегин», 5, IV, VIII, X, XIII, XV, XXIV).

Заметим, что указанные параллели не содержат иронических аллюзий, что свидетельствует об ориентации Пушкина на романтическую палитру предшественника. Учитывал он, вероятно, и внутренний монолог Светланы: (««Ах! **ужасный, грозный сон!** / Не добро вещает он – / Горькую судьбину; / Тайный мрак грядущих дней, / Что **сулишь** душе моей, / Радость иль кручину?»»), отозвавшийся в мыслях Татьяны: «Ее тревожит сновиденье. / Не зная, как его понять, / Мечтанья страшного значенье / Татьяна хочет отыскать. / <...> / Но **сон зловещий** ей **сулит** / Печальных много приключений. / Дней несколько она потом / Всё беспокоилась о том» (5, XXIV).

В шестой главе в знаковой предсмертной элегии Ленского снова проступают отзвуки лиры Жуковского, ср., напр.: «Ах! мысль о той, кто всё для нас / Нам спутник неизменный; / Везде знакомый слышим глас, / Зрим образ незабвенный. / **Она** на бранных знаменах; / **Она** в пылу сраженья; / И в шуме стана и в мечтах / Веселых сновиденья. / Отведай, враг, исторгнуть щит, / Рукою данный милой; /

Святой обет на нём горит: / *Твоя и за могилой!* // О сладость тайных мечты! / Там, там за синей далью / Твой ангел, **дева красоты**, / Одна с своей печалью, / Грустит, о друге слезы льет; / Душа ее в молитве, / Боится вести, вести ждет: / "Увы! Не пал ли в битве?"» («Певец во стане русских воинов», 1812) [Жуковский 1999, 38–39]) – «...И память юного поэта / Поглотит медленная Лета, / Забудет мир меня; но ты / Придешь ли, **дева красоты**, / Слезу пролить над ранней урной / И думать: **он** меня любил, / **Он** мне единой посвятил / Рассвет печальный жизни бурной!... / Сердечный друг, желанный друг, / Приди, приди: я твой супруг!...» («Евгений Онегин», 6, XXII). Фактически Пушкин шифрует здесь целый пласт патриотической лирики Жуковского, указывая на напрасные надежды Ленского перед дуэлью. Одновременно это раскрывает и источники поэтического вдохновения героя, его романтического и идеалистичного восприятия мира. Ср. также иные переключки в элегии Ленского с Жуковским: «Друзей вспоминай / И сердцу милый край, / Где ждет тебя, уныла, / Твой друг, твоя Людмила, / Хранитель-ангел твой... / С крылатою мечтой / Проникни сокровенно / В чертог уединенный, / Где, с верною тоской, / <...> / Письмо твое читает / И робкою рукой // Ответ ко другу пишет, / Где в каждом слове дышит / Души ее печаль. / Лети в безвестну даль; / Твой гений над тобою; / Среди опасна бою / Его незримый щит / Тебя приосенит – И **мимо пролетит** / **Стрела** ужасной Гелы» (К Блудову, 1810), «Близок час мой; роковая / Приготовлена **стрела**... / **Я** паду в весне моей...» (Ахилл, 1814) – «**Паду** ли **я**, **стрелой** пронзенный, / Иль **мимо пролетит** она...» («Евгений Онегин», 6, XXI) (см. также: [Лебедева, Янушкевич 1999, 409–410]).

В черновом варианте шестой главы (строфа XLV) содержатся аллюзии на переводную повесть Жуковского «Лалла Рук» (1821) [Лебедева 2000, 602]: «И в зале яркой и богатой / Когда в умолкший, тесный круг / Подобна лилии крылатой, / Колеблясь входит **Лалла-Рук**⁴ / И над поникшею толпою / Сияет царственной главою / И тихо вьется и скользит / Звезда-Харита меж Харит / И взор смущённых поколений / Стремится ревностью горя / То на неё, то на царя...» [Пушкин 1937, 637].

В седьмой главе присутствует многомерный отзвук элегии Жуковского «Сельское кладбище» (1802) [Виноградов 1941, 110–111], ср.: «Уже бледнеет день, скрываясь за горою; / <...> // Повсюду

⁴ Об императрице Александре Федоровне.

в сумраке окрестность исчезает... / Повсюду тишина, повсюду мертвый сон; / Лишь изредка, **жужжа**, вечерний **жук** мелькнет...» [Жуковский 1999, 53]; «Был вечер. Небо меркло. Воды / Струились тихо. **Жук жужжал**...» («Евгений Онегин», 7, XV). Пушкин явно ерничает, имплицитно подразумевая и редукцию фамилии Жуковского до *Жук*. в непринужденной (особенно письменной) речи, на что обратил внимание еще А.С. Немзер.

Не случайно автор романа позже иронически прокомментировал этот вызывающий своей какофонией контекст в заметках «Опровержение на критики» (Болдино, осень 1830 г.): «Критику 7-ой песни в Сев.<ерной> пчеле пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку об *жуке*. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих» [Пушкин 1949, 150].

Можно вспомнить и о парадоксальной связи «Светланы» Жуковского с арзамасским прозвищем Пушкина, корреспондирующим с *жуком* по линии «собранья насекомых»: «Вот красавица одна; / К зеркалу садится. / <...> / С треском пыхнул огонек, / Крикнул жалобно **сверчок**, / Вестник полуночи» (Жуковский), – что Пушкин тоже мог иметь в виду, наслаждаясь, в свою очередь, озорной поэтической мезью...

В той же главе в прощальном монологе уезжающей «на ярмарку невест» Татьяны угадываются строки Жуковского из первой баллады *старинной повести* «Двенадцать спящих дев» (1814–1817), ср.: «"**Прости**, весны певича. / **Прости**, и **мирные леса**, / И нивы золотые, / И неба светлая краса, / И радости земные". / И вспомнил он забытых чад; / К себе их призывает; / И мнит: они Творца смягчат; / Невинным Бог внимает» [Жуковский 2008, 87–88]; «Вставая с первыми лучами, / Теперь она в поля спешит / И, умиленными очами / Их озирая, говорит: / "**Простите**, **мирные долины**. / И вы, знакомых гор вершины, / И вы, знакомые **леса**; / **Прости**, небесная краса, / **Прости**, веселая природа; / Меняю милый, тихий свет / На шум блистательных сует..."» («Евгений Онегин», 7, XXVIII). Ср. также в монологе Иоанны («Орлеанская дева»): «**Простите** вы, холмы, поля родные; / Приютно-милый,

ясный дол, прости; / С Иоанной вам уж боле не видаться, / Навек она вам говорит; **прости**» [Жуковский 2011, 216–217]. Отдаленно здесь угадывается и намек автора романа на участь Татьяны Лариной, вынужденной похоронить свою первую любовь...

В восьмой главе – «Письме Онегина к Татьяне» – Пушкин заставил «прозаичного» героя использовать, подобно Ленскому, поэтические формулы, найденные Жуковским, ср.: «При ней все мысли наши – пень! / И каждый звук ее речей, / **Улыбка уст**, лица **движение**, / Дыханье, взгляд – все песня в ней» (Явление поэзии в виде Лаллы Рук, 1821) [Жуковский 2000, 224–225] – «Нет, поминутно видеть вас, / Повсюду следовать за вами, / **Улыбку уст**, **движение** глаз / Ловить влюбленными глазами...» («Евгений Онегин», 8) [Семенко 1975, 140]. Фактически тем самым поэт трансформировал представление о прежнем Онегине, придав ему лирические черты Ленского и возвысив изменившуюся Татьяну до уровня воспетых Жуковским отечественных прототипов Лаллы Рук,

В черновом наброске восьмой главы (строфа V) Пушкин, словно спохватившись, что не говорит в романе о своих учителях в поэзии, в частности Жуковском (в отличие от упоминания о многих других поэтах-современниках), перепевает свои прежние высказывания на этот счет, дружески обращаясь «на *ты*» к еще живому старшему классику:

И свет ее [Музу автора] с улыбкой встретил
Успех нас первый окрылил
Старик Державин нас заметил
И в гроб сходя благословил
И Дмитриев не был наш хулитель
И быта русского хранитель
Скрижаль оставя, нам внимал
И Музу робкую ласкал –
И ты, глубоко вдохновенный
Всего прекрасного певец,
Ты, идол девственных сердец,
Не ты ль, пристрастьем увлеченный
Не ты ль мне руку подавал
И к славе чистой призывал
[Пушкин 1937, 621]⁵.

⁵ См. об этом: [Лебедева, Янушкевич 1999, 408].

Но в итоге, вероятно, автор не почувствовал художественной органичности этой запоздалой в романном нарративе полуодической «коды» или посчитал, что у него и так достаточно скрытых намеков на лиру Жуковского.

Сделаем выводы. В романе «Евгений Онегин», начиная с посвящения и заканчивая восьмой главой, присутствуют типологически разнообразные отзвуки (эпиграф, цитаты, лексико-фразеологические заимствования, реминисценции, параллели, аллюзии и др.) творчества В.А. Жуковского. Хотя в самом произведении Пушкин о своем старшем друге прямо не упоминает, создается впечатление, что фразеология и интонации поэзии Жуковского (его послания, баллады, патриотическая лирика, переводы) пронизывают не только повествовательную канву романа, но и особенно «голоса» его главных героев: Татьяны, Ленского и отчасти – парадоксально – даже Онегина. Вместе с тем, есть и обратная перспектива данной темы – воздействие поэтики «Евгения Онегина» на творчество самого Жуковского, о чем мы собираемся поговорить в следующий раз.

Источники

Белинский 1981 – Белинский В.Г. *Собрание сочинений: В 9 т.* Т. 6. М., 1981.

Бродский 1964 – Бродский Н.Л. *Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина: Пособ. для учителя.* 5-е изд. М., 1964.

Жуковский 1999 – Жуковский В.А. *Полное собрание сочинений и писем: В 20 т.* Т. 1. М., 1999.

Жуковский 2000 – Жуковский В.А. *Полное собрание сочинений и писем: В 20 т.* Т. 2. М., 2000.

Жуковский 2008 – Жуковский В.А. *Полное собрание сочинений и писем: В 20 т.* Т. 3. М., 2008.

Жуковский 2011 – Жуковский В.А. *Полное собрание сочинений и писем: В 20 т.* Т. 7. М., 2011.

Лебедева 2000 – Лебедева О. *Лалла Рук [Примечания] // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т.* Т. 2. С. 595–603.

Лебедева, Янушкевич 1999 – Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. *Жуковский // Онегинская энциклопедия: В 2 т.* Т. 1. А – К. М., 1999.

Лотман 1983 – Лотман Ю.М. *Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Пособ. для учителя.* 2-е изд. Л., 1983.

Набоков 1999 – Набоков В.В. *Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина [1964].* М., 1999.

Путеводитель 2009 – *Путеводитель по Пушкину [1931].* М., 2009.

Пушкин 1937 – Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений: В 16 т.* Т. 6. *Евгений Онегин.* М.; Л., 1937.

Пушкин 1949 – Пушкин А.С. Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834.* М.; Л., 1949.

Литература

Васильев 2005 – Васильев Н.Л. *К поэтике «Сна Татьяны» в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»* // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Вып. 7. Арзамас, 2005. С. 158–162.

Васильев 2013 – Васильев Н.Л. *О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники.* Саранск, 2013.

Васильев 2015 – Васильев Н.Л. *«Так он писал темно и вяло...» (Пушкин и Языков)* // Болдинские чтения 2015. Саранск, 2015. С. 218–230.

Васильев 2016 – Васильев Н.Л. *Князь Вяземский и «онегинский текст» Пушкина* // Болдинские чтения 2016. Арзамас, 2016.

Васильев 2017 – Васильев Н.Л. *Евгений Баратынский и «Евгений Онегин»* // Болдинские чтения 2017. Н. Новгород, 2017.

Виноградов 1941 – Виноградов В.В. *Стиль Пушкина.* М., 1941.

Немзер 2000 – Немзер А. *Поэзия Жуковского в шестой и седьмой главах романа «Евгений Онегин»* // Пушкинские чтения в Тарту. 2: Мат-лы международной науч. конф., 18–20 сентября 1998 г. Тарту, 2000. С. 43–64.

Немзер 2013 – Немзер А.С. *При свете Жуковского: Очерки истории русской литературы.* М., 2013.

Россина 1986 – Россина А. *Элегическая традиция в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»* // Болдинские чтения. Горький, 1986. С. 39–48.

Семенко 1975 – Семенко И.М. *Жизнь и поэзия Жуковского.* М., 1975.

Эйгес 1941 – Эйгес И. *Пушкин и Жуковский* // Пушкин родоначальник новой русской литературы: Сб. научно-исслед. работ. М.; Л., 1941. С. 193–216.

ECHOES OF THE POETRY OF V.A. ZHUKOVSKY IN THE PUSHKIN'S NOVEL “EUGENE ONEGIN”

© **Vasiliev Nikolay Leonidovich** (2020), ORCID: 0000-0003-2062-8156, SPIN-code: 6568-3884, Doctor of Philology, Professor, National research Mordovian state University. N.P. Ogareva

The article explores various reflections (such as quotations, lexical-phraseological borrowings, reminiscences, parallels, allusions, epigraphs, etc.) of V.A. Zhukovsky's works in A.S. Pushkin's novel Eugene Onegin. The research on this subject is summarised (V.V. Vinogradov, V.V. Nabokov, J.M. Lotman, I. Eiges, I.M. Semenko, A. Rossina, A.S. Nemzer, O.B. Lebedeva, A.S. Yanushkevich, N.L. Vasiliev, etc.). Almost all the structural parts of the novel present new facts about Pushkin's reception of the works of one of his closest literary predecessors, including several original and translated

works by Zhukovsky: To Bludov, To Voeikov, To the Emperor Alexander, Achilles, The Rural Cemetery, The Singer in the camp of Russian Warriors, Lyudmila, Svetlana, The Twelve Sleeping Virgins, Lalla Ruk, The Apparition of Poetry as Lalla Ruk, The Maid of Orleans and others. This takes into account not only printed editions of Eugene Onegin, but also draft versions of its chapters. It is also shown that the images of V.A. Zhukovsky's poetry are often given a parodic look in the text of Pushkin's novel in verse. Besides it is shown that the echoes of V.A. Zhukovsky's poetry in Eugene Onegin can be concentrated around certain motifs of plot-fabulous character as well as around certain characters of the work. In this perspective Lenskij for example, can be interpreted as a double of the founder of Russian Romanticism himself, and Tatiana is another literary reincarnation of V.A. Zhukovsky's Svetlana. It should be mentioned that in contrast to previous works, which deal with the problem of V.A. Zhukovsky's influence on A.S. Pushkin's works, this is the first one, where the traces of this influence are systematised in one but programmatic work.

Keywords: A.S. Pushkin, V.A. Zhukovsky, Eugene Onegin, reminiscences.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Васильев 2005 – Vasil'yev N.L. *K poetike «Sna Tat'yany» v romane A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin»* [To the Poetics of "Tatiana's Dream" in A.S. Pushkin's novel "Eugene Onegin"]. *Pushkin na poroge XXI veka: Provintsial'nyy kontekst* [Pushkin on the threshold of the XXI century: A provincial context], vol. 7, Arzamas, 2005, pp. 158–162. (In Russian).

Васильев 2015 – Vasil'yev N.L. *«Tak on pisal temno i vyalo...» (Pushkin i Yazykov)* [... "So he wrote darkly and sluggishly ..." (Pushkin and Yazykov)]. *Boldinskiye chteniya 2015, Saransk, 2015*, pp. 218–230. (In Russian).

Васильев 2016 – Vasil'yev N.L. *Knyaz' Vyazemskiy i «oneginskiy tekst» Pushkina* [Prince Vyazemsky and Pushkin's "Onegin text"]. *Boldinskiye chteniya 2016, Arzamas, 2016*. (In Russian).

Васильев 2017 – Vasil'yev N.L. *Evgeniy Baratynskiy i «Evgeniy Onegin»* [Evgeny Baratynsky and "Evgeny Onegin"]. *Boldinskiye chteniya 2017, Nizhni Novgorod, 2017*. (In Russian).

Немзер 2000 – Nemzer A. *Poeziya Zhukovskogo v shestoy i sed'moy glavakh romana «Evgeniy Onegin»* [Zhukovsky's poetry in the sixth and seventh chapters of the novel "Eugene Onegin"]. *Pushkinskiye chteniya v Tartu, vol. 2: Mat-ly mezhdunarodnoy nauch. konf., 18–20 sentyabrya 1998 g.* [Pushkin readings in Tartu. 2: Materials of international scientific. Conf., 18–20 September-September 1998] Tartu, 2000, pp. 43–64. (In Russian).

Россина 1986 – Rossina A. *Elegicheskaya traditsiya v romane A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin»* [Elegiac tradition in the novel by A.S. Pushkin "Eugene Onegin"]. *Boldinskiye chteniya, Gor'kiy, 1986*, pp. 39–48. (In Russian).

Эйгес 1941 – Eyges I. *Pushkin i Zhukovskiy* [Pushkin and Zhukovsky]. Pushkin rodonachal'nik novoy russkoy literatury: Sb. nauchno-issled. rabot [Pushkin, the founder of new Russian literature: Collection of scientific research. Works]. Moscow; Leningrad, 1941, pp. 193–216. (In Russian).

(Monographs)

Васильев 2013 – Vasil'yev N.L. *O Pushkine: yazyk klassika, poetika romana «Evgeniy Onegin», pisatel' i ego sovremenniki* [About Pushkin: the language of the classics, the poetics of the novel "Eugene Onegin", the writer and his contemporaries]. Saransk, 2013. (In Russian).

Виноградов 1941 – Vinogradov V.V. *Stil' Pushkina* [Pushkin's style]. Moscow, 1941.

Немзер 2013 – Nemzer A.S. *Pri svete Zhukovskogo: Ocherki istorii russkoy literatury* [In the Light of Zhukovsky: Essays on the History of Russian Literature]. Moscow, 2013. (In Russian).

Семенко 1975 – Semenko I.M. *Zhizn' i poeziya Zhukovskogo* [Life and poetry of Zhukovsky]. Moscow, 1975. (In Russian).

Поступила в редакцию 20.08.2021